

Графиня Доминик де Рокморель-Голлицын:

«Все русское я тащу в дом»

В Париже немало французоз с русскоо душой, тех, чей дом проникнут русским духом. Самый известный — дом графини Доминик де Рокморель-Голлицын. Искусствовед по образованию, коллекционер по призванию и ювелир по профессии, графиня Рокморель-Голлицын рассказывает о своих российских увлечениях обозревателю «Известий» Лидии Шаминой.

«Мы с Пушкиным — сумасшедшие романтики»
ИЗВЕСТИЯ: Вы графиня из старинного бурбундского рода де Труази, а живете почти в арабском квартале, на улице Клиши. Куда больше вам подошел бы старинный замок.

Доминик де Рокморель-Голлицын: Замок — это слишком большие расходы. А в родовом замке я жила в детстве. Это далеко от Парижа, в горном массиве Юра. Мои предки участвовали в первых Крестовых походах и, кстати, по семейной легенде, даже заложили свой замок, чтобы собрать войско и идти воевать за веру.

Наш замок — вообще вещь довольно хрупкая, мы теряли его не раз, потому что все де Труази всегда поддерживали герцогов Бургундских, которые были в оппозиции к французским королям. Сейчас замок в коллективном семейном владении, время от времени мы собираемся, чтобы решить,

как и на какие средства его реставрировать. Но дальше разговоры дело не идет, поэтому я там бываю редко.

И потом, наши парижские апартаменты, которые достались мне от родителей, не так уж плохи: квадратный дворик, засыпанный песком, старые платаны, тишина — все это напоминает атмосферу дворянских усадеб XVIII века.

ИЗВЕСТИЯ: Действительно, ваша парижская квартира — не типичное городское жилье: анфилада комнат, картины, фарфор, серебро, хрусталь, эмали.

Рокморель-Голлицын: Я обожаю старину. Я ведь искусствовед по образованию, и моя среда обитания — аукционы и блошиные рынки. Все, что мне нравится, я тащу в дом — и каждая мелочь становится предметом декорирования. Так в прихожую попал потолок: мне показалось, что будет правильно разместить между дубовыми балками темно-синие плитки с золотистыми геральдическими лилиями.

Балки, разумеется, уже были, а плитки я купила даже не помню где. Как и этот необычный старинный шкаф и диван в прихожей. Короны, которые на нем гнездятся, тоже мое увлечение — я собираю копии корон европейских королевских домов. А вот эта фаянсовая собачка — разве не чудо? Сейчас она спит на бархатной подушке, но постоянно переезжает с места на место — может оказаться на балконе или под стулом, путешественница.

Я вообще люблю все, что связано с передвижениями, поэтому здесь оказался этот старинный портшез XVIII века, на котором, полустершийся, едва виден герб рода Труази. Вообще многие вещи здесь семейные: один мой дедушка был военным и отовсюду привозил мебель, есть даже китайская. Другой дед любил арабские страны, и от него осталось много восточных ковров.

→ стр. 31

Графиня Доминик де Рокморель-Голлицын:

«Все русское я тащу в дом»

40 → В ГОСТИ

ИЗВЕСТИЯ: А вот этот мраморный бюст Пушкина откуда?
Рокморель-Голлицын: Им расплатились со мною за долги. Пушкин — мой кумир, по моему, мы одинаково сумасшедшие романтики. Между прочим, мы и родились в один день. Я дого не могла придумать, куда его поместить. Оставила в спальне, она же мой личный кабинет. И оказалось, что в его обществе так приятно просыпаться! Вообще в моем кабинете-спальне собрались все близкие мне люди. Вот этот белокурый ангел на портрете — князь Марк-Августин Голлицын, дед графа Голлицына, моего мужа.

«От Фаберже я обомлела»

ИЗВЕСТИЯ: Как получилось, что русские и французские линии скрестились в вашей семье?

Рокморель-Голлицын: У деда моего мужа, графа Рокмореля, своих детей не было, и он усыновил одного из Голлицыных — так возникла наша двойная русско-французская фамилия, а вместе с ней — традиции и обычаи. Например, у нас принято воспитывать приемных детей, у меня самой их трое. Сейчас они уже взрослые, студенты, и одна из дочерей помогает мне в работе. Когда они были маленькими, на мои ювелирные выставки сами привозили экспонаты и помогли мне размещать их. По моему, это абсолютно по-русски. Вообще все, что касается России, находит место в моем доме.

ИЗВЕСТИЯ: Я вижу: эти чашки, по моему, Ломоносовского фарфорового завода.

Рокморель-Голлицын: Точно. А теперь посмотрите на эту скульптуру. Узнаете? Петр I держит на руках маленького Людовика XV. Я не знаю автора этого шедевра, но представляете, еще в те времена наши страны стремились друг к другу.

ИЗВЕСТИЯ: С чего начался ваш интерес к России?

Рокморель-Голлицын: Муж повел меня на выставку работ Фаберже, которая ездила по миру, — я пришла в совершеннейший восторг. Потом в 1971 году по приглашению семьи Михалковых-Кончаловских я впервые попала в Россию, кажется, тогда снимался фильм о гибели царской семьи. Разумеется, пошла в Эрмитаж и первое, что увидела, опять были работы Фаберже. Я подумала: «Что, если самой попробовать сделать что-нибудь в этом стиле?» Накупила книг, альбомов, украшений, начала ездить в Россию, там еще больше заразилась русским духом, стала скакать иконы, вышитые полотенца, шали, украшения.

Одной из первых моих реликвий стал серебряный поднос, сделанный одним из учеников Фаберже, потом что-то еще. Первую коллекцию начала с пасхальных яиц, брошей, медаллонов и крестиков. Дело пошло так легко и удачно, что я поняла: это судьба. Представляете, на мою первую выставку выстроилась очередь. Теперь мои выставки проходят два раза в год на Елисейских Полях и на площади Вандом.

«Мне нравится быть просто Доминик»

ИЗВЕСТИЯ: У вас очень интересная квартира: одна комната переходит в другую, все смежные, да еще с двумя дверями. В России это считается недостатком.

Рокморель-Голлицын: Почему же? По моему, единое пространство помогает создать особую атмосферу дома, в нем комфортно жить и работать. Особенно если интерьер тщательно продуман и собирается постепенно, по душевному порыву, а все мелочи дороги и уму, и сердцу. Например, я несколько раз в день прохожу мимо маленькой миниатюры с портретом Натали Гончаровой на стене и каждый раз невольно задумываюсь над тем, что бы такого сделать в этом предельном стиле.

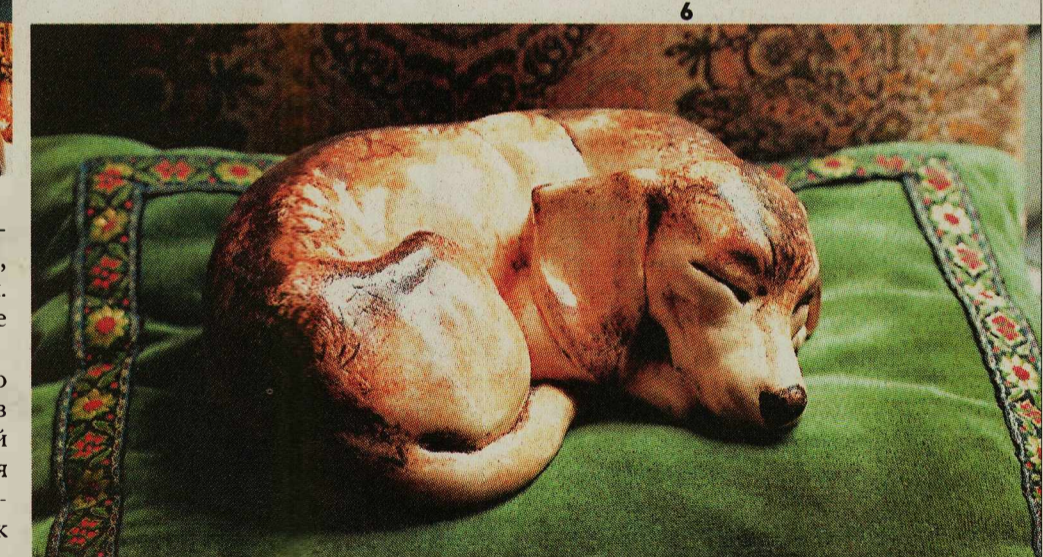
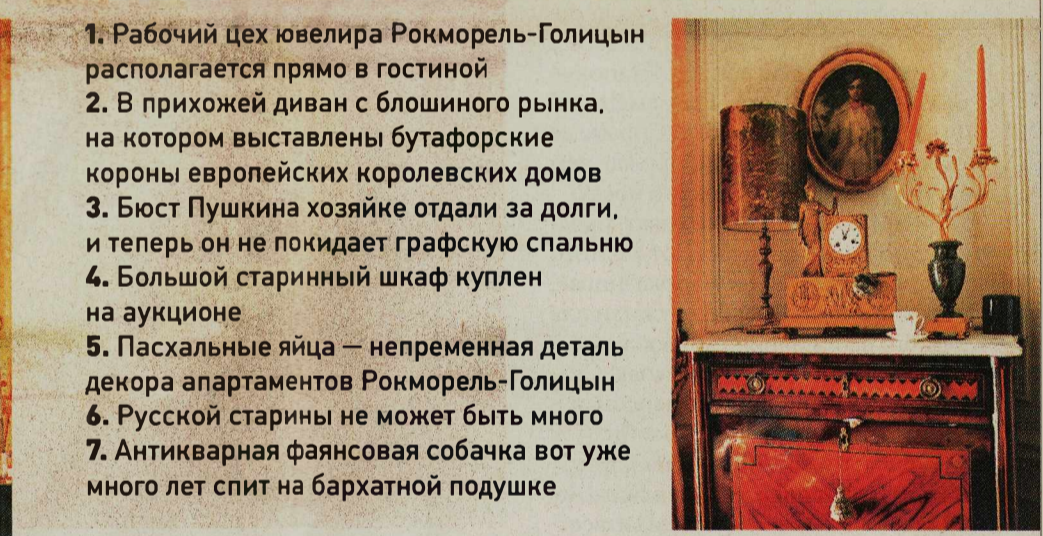
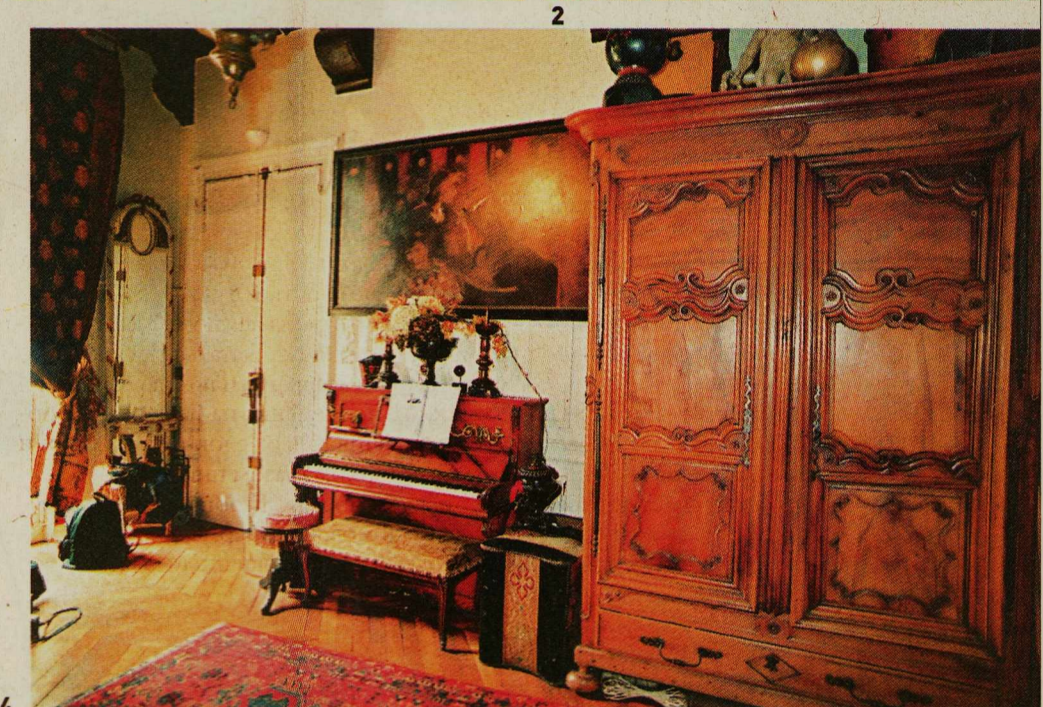
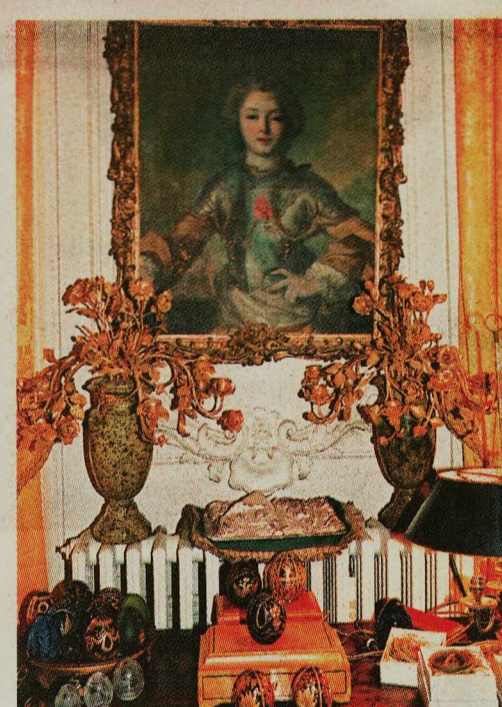
ИЗВЕСТИЯ: Где вы работаете?

Рокморель-Голлицын: Дома. Мой «цех» — средняя гостиная, а бюро и бутик — первая от входа. Покупатели или те, кто просто интересуется моими бижутериями, могут прийти прямо ко мне домой. Правда, надо предварительно договориться о встрече.

Кстати, заметили, что все витрины из карельской березы? Я долго искала, в каком обрамлении мои украшения будут смотреться лучше всего, а когда увидела точно такие в Эрмитаже, просто обомлела. Я заказала их в России. Не правда ли, почти как в музее?

ИЗВЕСТИЯ: Абсолютно. Но как вы умудряетесь работать за столом под такой роскошной бархатной скатертью?

Рокморель-Голлицын: Ну, это только сегодня. Если жду гостей, накрываю стол старинным gobelеном или вот этой скатертью, и он сразу приобретает респектабельный вид. За ним я принимаю журналистов, заказчиков или знатных клиентов мужа, чай подаю на серебряном подносе — все очень аристократично.

1. Рабочий цех ювелира Рокморель-Голлицын располагается прямо в гостиной
2. В прихожей диван с блошиного рынка, на котором выставлены буафорские короны европейских королевских домов
3. Бюст Пушкина хозяйке отдали за долги, и теперь он не покидает графскую спальню
4. Большой старинный шкаф куплен на аукционе
5. Пасхальные яйца — неременная деталь декора апартаментов Рокморель-Голлицын
6. Русской старины не может быть много
7. Антикварная фаянсовая собачка вот уже много лет спит на бархатной подушке
... все заставлено: перины, сундуки, картины, шкафы, этажерки, наклейки — все только русское. Мы с мужем обожаем музеи, и каждое посещение — новый ворох вещей.
ИЗВЕСТИЯ: Насколько я помню, ваш муж держал туристическое агентство «Жить в Венеции»?
Рокморель-Голлицын: Оно и сейчас есть. Это необычное агентство — муж занимается тем, что подыскивает в Венеции апартаменты тем, кто хочет пожить в этом чудогороде. Путешествия все больше: жизнь в Венеции дорогая, и многие уезжают, продавая или сдавая свои родовые гнезда.
Но мало такие палатки найти — часто их надо еще оставить, потому что люди увозят с собой не только семейные реликвии, но и старинную мебель. Поэтому мы в курсе всех аукционов, всегда знаем, где и что можно купить по сходной цене. То, что не доезжает до Венеции, оседает в парижской квартире. Все эти роскошные лоскуты венецианского стекла, старинные гравюры с видами площади Сан-Марко, канделябры, мебель, зеркала в резных рамах куплены по случаю за гроши — мы не слишком богатые люди.
ИЗВЕСТИЯ: Вы уже решили, где будете отмечать Новый год?
Рокморель-Голлицын: Все зависит от детей.